

Судьбы языков и культур в эпоху глобализации

Man is an embodied paradox, a bundle of contradictions.

Charles Colton

Человек – существо противоречивое, и более того – парадоксальное. Соответственно, и жизнь человечества, и общественное устройство также противоречивы и парадоксальны.

Нам, живущим в XXI веке, очень повезло: мы имеем счастье и удовольствие наблюдать взлет научно-технического прогресса, раздвигающего границы человеческого гения: пришествие Его Величества Интернета, неслыханных информационных технологий и невообразимых коммуникационных систем. Ученые всего мира, объединившись, преодолели барьер расстояний и подарили людям Земли такую роскошь общения, такие возможности мгновенной коммуникации, о которых не мечтали даже фантасты. Планета стала маленькой, общедоступной, настоящим общим домом, общей деревней – глобальной. В такой ситуации сказать бы спасибо гениальным ученым и начать, наконец, жить в мире, дружбе, со-трудничать, со-чувствовать, покончить с войнами, распрями, голодом.

Увы! Не получается. Человечество раздирается противоречиями. Глобализация, с одной стороны, уже привела к объединению усилий: торговля, охрана природы, совместная борьба с терроризмом, наркотиками, болезнями и многое, многое другое. И в то же время – межэтнические конфликты, жестокие и кровопролитные, резкий рост неравенства между сказочно богатыми и вопиюще бедными, тревожное будущее молодого поколения, одурманенного возможностями того же самого Величества – Интернета, стремительно превращающегося одновременно в сокровищницу Знания и Опыта и грязную помойку. И все эти парадоксы – от так называемого «человеческого фактора»: противоречивой природы человека.

Одно из главных препятствий на пути человека к дружному глобальному миру в обоих значениях этого прекрасного русского слова (пример полифонии, или семантического аккорда), утес, о который разбиваются все усилия и успехи научно-технического прогресса – это национальные языки и культуры, то есть наша с вами, дорогие коллеги, лингвисты и культурологи, сфера деятельности и ответственности.

Технически наше глобальное общение обеспечено идеально, но неприятная заминка – нужен общий язык. Глобальный. Без общего языка нет общего дома, нет глобальной деревни.

Эту роль все увереннее выполняет английский язык – по вполне очевидным и даже объективным причинам: это язык сначала могучей супердержавы недавнего (в историческом времени) прошлого – Британской империи, где «не заходило солнце», а теперь – современной супердержавы, Соединенных штатов Америки, которые правят миром, смяв всех соперников, в первую очередь – Советский Союз. Плюс третья англоязычная империя – Интернет.

Глобальный мир разделился на две части: носителей глобального языка и неносителей. И неанглоязычная половина, особенно молодежь, лихорадочно изучает английский язык.

Вот такие парадоксы нашей жизни: великие достижения человеческого гения породили великие проблемы, а перспектива объединения человечества, взаимодействия всех народов, возможности жить мирно и дружно в общей – глобальной – деревне воспринимается как угроза своему национальному дому с родным национальным языком, традициями, ценностями, культурой в широком антропологическом смысле слова

В результате этой угрозы – очередная парадоксальная реакция: даже народы, забывшие свой родной язык, занялись усиленным его возрождением. Самый яркий пример – Ирландия, которая веками воюет с соседями, но говорит на их языке. В 1994 году на международной конференции по прикладной лингвистике было сказано, что только 4% населения может говорить на ирландском языке, но все 100% общаются на английском. А через несколько лет после конференции я получила посылку: свежее издание словаря и самоучитель ирландского языка... Вспыхнувший во многих странах, в том числе в России, интерес к другим кельтским языкам (например, гэльскому) и культуре – свидетельство этой тенденции.

Попробуем рассмотреть противоречие «глобальный – национальный язык» объективно, то есть и «за» и «против», и плюсы и минусы сложившейся ситуации, когда именно английский язык стал глобальным средством международного общения и уверенно претендует на статус глобального языка.

Плюсы и одновременно вполне конкретные и достаточно очевидные социально-исторические причины, обеспечивающие доминирующую роль английского языка как иностранного.

1. Все возрастающая миграция и смешение народов все более остро требуют единого средства международного общения.

2. Количество и объемы международных организаций, (ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, ВТО, НАТО и многие другие) непрерывно увеличиваются, и использование одного языка (вместо двух, трех или пяти, как в ООН) – и полезно, и выгодно, и привлекательно.

3. В результате глобализации экономики каждый день растет число международных производственных и торговых компаний, концернов, совместных предприятий. Использование одного языка очень удобно и в организационном, и в финансовом отношении.

4. Возникновение и стремительное распространение Интернета укрепляет позиции английского языка как глобального. Во Всемирной Сети международное общение доминирует над общением национальным, и единый язык в этом плане незаменим.

5. Английский язык получил гораздо более широкое распространение, чем любой другой иностранный язык. Соответственно, во всем мире работают огромные армии учителей английского языка (и носители языка, и местные учителя). Для Великобритании как родины «стандартного английского» преподавание английского языка стало важнейшей областью экспорта, в том числе и в плане человеческих ресурсов (во всех уголках земного шара зарабатывают неплохие деньги британские «носители английского языка»). Огромная индустрия EFL (English as a Foreign Language – английский как иностранный) непрерывно выпускает учебные материалы, словари, аудио, видео, мультимедийные курсы всех уровней, видов и типов.

Никакой другой иностранный язык не может сравниться с английским языком по этим параметрам.

Каковы же минусы, или, вернее, к каким негативным последствиям может привести наличие глобального языка вообще и английского языка в этой роли, в частности.

Чем грозит повсеместное доминирование английского языка как главного средства международного общения неанглоязычному человечеству? Иными словами, какой вред эта ситуация может принести другим народам и их языкам и культурам.

1. Поскольку язык и культура неразделимо спаяны, и каждый язык несет в себе весьма значительный культурно-идеологический заряд, продвижение и доминирование одного языка – в настоящее время английского – в качестве средства общения между народами мира неизбежно приводит к тому, что вместе с языком проникает чужая культура и идеология. Иными словами, всему миру навязываются англо-американские традиции, системы ценностей, образ жизни, менталитет, мировоззрение – то есть все то, что составляет нравственную основу нации. Часто этот, заимствованный вместе с языком

культурно-идеологический заряд входит в противоречие с местной национальной культурой. При этом тайные силы культуры действуют постепенно, незаметно и поэтому гораздо более эффективно, чем любые способы открытого воздействия.

Мой любимый пример – простое невинное устойчивое английское словосочетание *poor but honest* – *бедный, но честный*. В сказках это определение всегда обозначает положительного героя. А теперь представьте себе начало русской сказки: *Жил-был бедный, но честный рыбак*. Все бы хорошо, если бы не *но*. Всего-то один союз, но за ним чуждое и неприемлемое, шокирующее мировоззрение, отношение к людям, какая-то странная мораль: ведь это *но* подразумевает, что все бедные нечестные, а вот этот рыбак, по исключению, оказался честным.

В наших историях логично было бы *богатый, но честный*, поскольку в нашем сознании, в нашей культуре богатство честным путем нажить нельзя, и такого даже в сказках, ни по какому исключению, представить невозможно.

Слушает, значит, англоязычный ребенок (или – изучающий английский язык) и в сознание его проникает заложенная в устойчивом обороте мысль: бедные – нечестные.

И еще один любимый пример – из области орфографии: в английском языке *I – я* пишется всегда (!) с большой буквы. Представляете, если бы мы писали *Я* всегда так, как пишут *I*: «*Встречу Я вас, Иван Иванович, у входа в парк*». *Я* (любимый) – с большой буквы, а вы, Иван Иванович, с маленькой. Совсем другой народ бы получился.

Значит, вместе с глобальным языком формируется глобальная культура. В нынешней ситуации это англо-американская или просто американская, поскольку американцы как представители единственной в мире супердержавы активны во всех сферах жизни, и именно американский вариант английского языка стал самым востребованным и самым проникающим – и через политику, и через науку, и через компьютерные языки, и через песни и фильмы (недаром во многих странах – например, во Франции – глобализацию называют американизацией и даже макдональдизацией).

Самое массовое проникновение и языка, и культуры идет как раз через фильмы, заполонившие экраны и кинотеатров, и телевидения во всем мире. Даже когда эти фильмы дублированы на родной язык, западная культура (система ценностей, менталитет, образ жизни) проникает в самые широкие массы населения, оказывая особенно сильное воздействие на детей и молодежь. Соответственно, их взгляды формируются на почве чужой – глобальной – культуры. И дети наши настолько привыкли к сценам насилия, что воспринимают их легко и естественно. Мой шестилетний внук, лет десять назад, усадив меня за очередной боевик, трогательно предупредил: «А теперь, бабушка, закрой глаза, эта сцена не для тебя». Для него это было нормально... Хороший мальчик – беспокоился о

бабушке. Мои новые внуки растут на мультиках не про зайцев и ежей, а про уродов и монстров. Одни названия чего стоят: «Монстры против пришельцев», «Монстр в Париже», «Монстры на каникулах» и т.п. А на мои крики отвечают спокойно, с любовью и жалостью к глупой старушке: «Да не волнуйся так, ты не понимаешь, монстры хорошие, это люди плохие». А жить-то им с людьми...

2. Вторая опасность глобального языка и культуры непосредственно связана с первой: это вытеснение ими национальных языков и культур.

Поскольку разнообразие языков представляет разнообразие культур, а разнообразие культур подразумевает разнообразие идей, верований, традиций, образов жизни, систем ценностей и приоритетов, использование одного «международного» языка для международного общения может привести к нивелированию, игнорированию и даже гибели языков и культур народов, говорящих на других языках, ограбит эти народы, разрушит их национальную принадлежность, или идентичность.

Иными словами, продвижение одного языка в качестве глобального неизбежно продвигает заложенную в нем культуру и идеологию, навязывая их всем жителям Глобальной Деревни.

Это очень опасная ситуация. Английский язык как глобальный порождает глобальные проблемы.

Степень этого бедствия может быть различной: в случае языков и культур малых народов это может привести к гибели и языка, и, соответственно, культуры. Речь здесь идет не о физическом уничтожении народов, а о вытеснении местного языка языком властного соседа или языком международного общения.

Интересно, что продвижение глобального языка, по-видимому, наносит больше вреда национальным культурам, чем языкам. Действительно, фильмы, а также книги и даже песни можно перевести на родной язык, но их нельзя «перевести» на родную культуру. Кстати, что касается переводов, то жадность, и отсюда – поспешность издателей и прокатчиков кино в сочетании с недобросовестностью и некомпетентностью переводчиков наносят серьезные удары по родному языку. Мы видим это на примере русского языка, который уродуется плохими переводами реклам, фильмов, книг, прессы – на всех уровнях: от синтаксиса до интонации, не говоря уже о лексике.

Смерть языка и культуры под воздействием глобального языка – это крайний случай, но главная опасность – это нивелирование национальных культур, превращение их в некий усредненный общечеловеческий суррогат, лишенный национальных особенностей видения мира. Метафорически выражаясь, вместо буйного яркого разноцветья лугов человечество получит аккуратно подстриженную зеленую лужайку. А

может быть, вавилонское столпотворение было не наказанием, а благословением божьим? Ведь человечество получило возможность увидеть мир по-разному, ярче и многообразнее – через разные языки. И человек только предполагает, а Господь Бог располагает...

На примере нашей страны видно особенно ярко и проникновение чужой культуры, и нивелирование нашей. Причины понятны: эффект запретного плода (годы изоляции от «капиталистического мира»), помноженный на отсутствие иммунитета. Своего рода культурный СПИД. Мы уже радостно справляем чужие праздники: и Хэллоин (несмотря на протесты русской православной церкви), и день не нашего Святого Валентина, и даже в День Святого Патрика, покровителя Ирландии, по Новому Арбату проходит шествие любителей ирландцев и ирландского пива. Ничего, казалось бы, плохого, дружба народов так сказать, но наши собственные праздники – или забыты (многие церковные), или подмочены, а то и отменены (советские), или заменены искусственными, вроде 12 июня – великий день выборов великого Ельцина в президенты, или 4 ноября – победа над поляками четырехсотлетней давности (вряд ли это укрепит дружбу между народами).

На наших глазах происходят изменения в русской культуре под влиянием европеизации, проникновения западной культуры через европейские языки, в первую очередь – английский.

Несколько примеров.

Уходит отчество. Бизнесмены, особенно молодые (а их - большинство), отказываются от отчества. (Чуть не написала – «отчества»...) Наоборот, входят в употребление двойные имена – Наталья-Мария или инициалы вместо отчества – Анна А. Зализняк.

В письмах, особенно деловых, после обращения все реже встречается наш восклицательный знак. Его вытесняет западная запятая или смайлик.

Лавина англицизмов, часто изуродованных и по форме, и/или по содержанию, все более затрудняет общение на русском языке.

Не случайно такое широкое распространение в современной лингвистике получил термин *агноним* – «слово малопонятное или совсем непонятное большинству носителей языка» (Л.П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов, ЭКСМО, 2008). Этот термин раньше употреблялся «обычно для диалектизмов, специальных терминов и устаревших слов» (Wikipedia), и его даже нет в словарях лингвистических терминов. Сейчас он очень распространен для обозначения заимствований.

В российском Интернете – пламенные призывы писать Я с большой буквы, «только так можно стать Личностью».

Широкое распространение получили аббревиатуры, сильно затрудняющие понимание текстов. Иногда неблагозвучные (орглот – фирма по организации лотерей) и практически всегда загадочно-ребусно-непонятные.

И общественные, и научные круги (в первую очередь, гуманитарные – филологи, философы, историки, психологи, культурологи) озабочены этим положением и давно уже бьют тревогу. В этой кампании против английского языка как глобального участвуют как народы, языкам и культурам которых угрожает опасность нивелирования и/или уничтожения, так и представители англоязычных наций, озабоченные «главной экологической опасностью современности», поскольку вторжение английского языка и культуры разрушает естественное лингвистическое и культурное разнообразие.

Именно из этого англоязычного мира раздаются самые резкие оценки в адрес продвижения английского языка в статусе глобального: «катастрофа», «евроцентризм», триумфализм, «языковой империализм» и даже «языковой фашизм» (Pennycook, 1994; Phillipson, 1992, 1999; Phillipson and Skutnabb-Kangas, 1996).

3. Наконец, ситуация с глобальным языком и культурой породила еще одну серьезную проблему непосредственно касающуюся большинства из нас. Дело в том, что в новой ситуации миссия иностранных служителей глобального языка тоже стала парадоксальной, поскольку противоречива роль этого языка.

Традиционный взгляд на преподавателей иностранных языков и переводчиков: это люди, сближающие народы, позволяющие им найти общий язык (в прямом и переносном смысле), миссионеры и миротворцы, бесстрашно и самоотверженно идущие в джунгли чужого языка и культуры, чтобы проложить в них дороги мира и дружбы. Все это правда, и всю жизнь я жила с чувством гордости за свою профессию, за свой выбор, за своих коллег.

Но вот пришли проблемы глобализации, и язык, которому я служу вместе с миллионами моих товарищей по работе, оказался в самом центре и внимания, и борьбы за него, и борьбы с ним. И для всех миллионов преподавателей английского языка неожиданно встал очень важный вопрос: кто мы? На чьей мы стороне? Кому мы служим? У всех у нас есть родной, любимый, свой язык и культура. И вдруг оказывается, что язык, который мы изучаем и преподаем, которому мы посвятили свои таланты и жизни, угрожает нашему родному языку и нашей родной культуре. И ведь преподавая английский язык, мы сознаем, что мы одновременно продвигаем идеологию, взгляды, образ жизни, систему ценностей англоязычного мира, не всегда к нам дружественного (далеко-о-о не всегда), часто чуждого, всегда чужого, иногда враждебного.

Кто же мы – мужественные и самоотверженные борцы за мир и дружбу между народами или пятая колонна в своей стране, проводники чужих идей и ценностей?

Прежде чем ответить на эти вопросы, подведем итоги обсуждению проблемы глобального языка. Что мы знаем точно? Что можно сказать студентам как твердые мнения учителя?

1. Английский язык – это главный язык международного общения. Он получил этот статус по вполне определенным социально-историческим причинам. Он ни в чем не виноват. Он не купил это положение, не достал по знакомству. Так сложилась его история. Его нельзя «снять с должности», повысить или понизить в статусе. Это определяет ход истории человечества.

2. Ситуация с английским языком как глобальным, несомненно, тоже противоречива: с одной стороны – властелин умов и душ всего мира, с другой стороны – терпит очень серьезный урон в самых разных аспектах. Об опасностях, которые подстерегают (и уже во многом подстерегли...) английский язык я надеюсь написать в следующем номере нашего журнала.

3. Будущее английского языка как глобального неизвестно. Можно (и нужно) делать предположения, но предсказать его судьбу невозможно.

Он может распасться на варианты, которые станут отдельными языками (как русский, белорусский, украинский). На это нужно время.

Он может быть вытеснен другим языком. Например, китайским... Это может произойти быстрее.

Могут получить статус глобальных, наравне с английским, другие языки.

4. Конечно, преподавание языка означает продвижение заложенной в нем культуры народа – носителя этого языка. Ничего плохого в знакомстве с другой культурой нет. Это только полезно, это расширяет горизонты, обогащает родную культуру, тем более что за английским языком стоит великая культура. Плохо, если это насильно навязывается или приводит к раблепному подражанию. Но это крайности.

5. Хорошо, что народы осознали угрозу этих крайностей. Это полезно и учителям, и учащимся. Сам факт, что вопросы «вины и ответственности» встали между людьми, – тоже факт отрядный: все заинтересованные стороны будут осторожнее, тактичнее, корректнее. Реальной угрозы вытеснения других языков нет. Но осознавать опасность и быть начеку – полезно.

6. Таким образом, перспектива глобализации и вторжения глобального языка заставила все народы встрепенуться, очнуться, осознать свою национальную самобытность, глубже оценить свою культуру и свой язык и начать о них заботиться.

7. Еще один важный и неожиданный результат глобальных процессов в современном мире – это осознание необходимости изучать иностранные языки.

В замечательной статье, написанной Даниэлем Бернарром и Хансом-Фридрихом фон Плетцем (Daniel Bernard, Hans-Friedrich Von Ploetz) послами Франции и Германии в Великобритании, говорится: «Learning one or more foreign languages is the true way of becoming “global” (изучение одного или более иностранных языков – это и есть настоящий способ стать «глобальными»)» (The Spectator, 17 February, 2001).

Вот оно, прекрасное будущее английского языка: стать стимулом для изучения новых иностранных языков.

На этой мажорной ноте и остановимся.